

К. В. Зотова, С. В. Именинник*

АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОГО «ТЕКСТА»: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРИЗМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье представлены основные методологические подходы к исследованию феномена культурного текста (А. ван Геннеп, К. Леви-Стросс, Э. Кассирер, М. Бахтин, И. Кондаков и пр.). Отдельно затрагивается тема о природе гуманитарного знания и о возможности формирования «доказательной базы» в сфере культуры. Вопрос «обоснования наук о духе» занял важное место в поиске методологии, способной зафиксировать в каких-либо формах то, что культура оставляет за пределами материальных проявлений (В. Дильтей, Г. Риккерт). В контексте системных подходов, подразумевающих учет структурно-лингвистических и философских подходов, а также всего разнообразия описания и интерпретации эмпирических феноменов материальной и нематериальной культуры, особое место занимает структурно-типологическая методология (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, и др.). Основу этой методики составляет понимание художественного произведения как текста в семиотическом аспекте, а текста — как многоуровневой системы. Аксиологический аспект интерпретации феноменов культуры приобретает особое значение именно в ситуации современности, когда размывание культурной и социальной определенности ставит под угрозу идентичность личности и общества. Обращение к цивилизационному дискурсу русской традиции рефлексии (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский и др.) позволяет говорить о метафизических основаниях культурной и цивилизационной самобытности, что обосновывает уникальность каждой культуры.

* Зотова Кристина Валерьевна — аспирант, kriz-tya@mail.ru, РХГА им. Ф. М. Достоевского, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.

Zotova Kristina Valerievna — graduate student, kriz-tya@mail.ru, Russian Christian Academy for the Humanities named after F. M. Dostoevsky, 191023, St. Petersburg, Fontanka River embankment, 15.

Именинник Сергей Владимирович — аспирант, s-imeninnik@yandex.ru, РХГА им. Ф. М. Достоевского, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.

Imeninnik Sergey Vladimirovich — graduate student, s-imeninnik@yandex.ru, Russian Christian Academy for the Humanities named after F. M. Dostoevsky, 191023, St. Petersburg, Fontanka River embankment, 15.

Ключевые слова: культура, цивилизация, методология, ценности, традиция, культурный текст, идентичность.

K. V. Zotova, S. V. Imeninnik

AXIOLOGY OF CULTURAL "TEXT": RESEARCH METHODOLOGY IN THE PRISM OF CIVILIZATIONAL IDENTITY

The article presents the main methodological approaches to the study of the phenomenon of cultural text (A. van Gennep, K. Levi-Strauss, E. Cassirer, M. Bakhtin, I. Kondakov, etc.). The topic of the nature of humanitarian knowledge and the possibility of forming an "evidence base" in the sphere of culture are separately touched upon. The issue of "justifying the sciences of the spirit" has taken an important place in the search for a methodology capable of recording in some form what culture leaves beyond material manifestations (W. Dilthey, G. Rickert). In the context of systemic approaches, implying consideration of structural-linguistic and philosophical approaches, as well as the whole diversity of description and interpretation of empirical phenomena of material and non-material culture, a special place is occupied by structural-typological methodology (Yu. M. Lotman, V. N. Toporov, etc.). The basis of this methodology is the understanding of a work of art as a text in a semiotic aspect, and a text as a multi-level system. The axiological aspect of interpreting cultural phenomena acquires special significance in the modern situation, when the erosion of cultural and social certainty threatens the identity of the individual and society. An appeal to the civilizational discourse of the Russian tradition of reflection (A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, etc.) allows us to talk about the metaphysical foundations of cultural and civilizational identity, which substantiates the uniqueness of each culture.

Keywords: culture, civilization, methodology, values, tradition, cultural text, identity.

Современная эпоха ставит ряд вопросов к тому, как функционирует культура, какие ресурсы она в себе заключает и как этими ресурсами может «пользоваться» современное общество. Перечень общественных «запросов» достаточно широк. Это и проблематика личной идентичности (стираются границы между культурами, государствами, традициями, старым и новым, человек в новом пространстве с трудом обнаруживает и определяет себя), и необходимость сохранения культурного наследия, традиций, и формирование преемственности между исторически сложившимися практиками и актуальными формами гражданской и культурной идентичности.

В целом можно предположить, что целый спектр, а то и весь фундамент аксиологических (ценностных) оснований самоопределения и личности, и общества строится вокруг того, что культурная традиция заключает в себе — в материальных и нематериальных формах.

При том, что, с внешней точки зрения, современное общество активно дистанцируется от традиции, тем не менее факторы, провоцирующие стирание или ослабление культурной и исторической памяти, одновременно погружают человека в состояния, близкие к архаическим парадигмам мышления и действия.

На этот феномен в XX в. серьезно обратили внимание в сферах этнографии и этнологии, культурологии и социологии. Один из родоначальников и классиков этого направления, Арнольд ван Геннеп, писал:

«Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного возраста к другому и от одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопровождается особыми действиями. ... Всякое изменение в положении человека влечет за собой взаимодействие светского и сакрального. Оно требует регламентации и соблюдения ритуала... И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь столь же определенное» [2, с. 32].

Ситуации перехода для современного человека — это не только «классические» отсечки биологической и социальной жизни (рождение, вступление в брак и т. п.). Современный человек постоянно находится в процессе перехода из одного статуса в другой, его идентичность — это «текущий» феномен; по существу, речь идет о перманентном переживании того, что А. ван Геннеп и В. Тёрнер [8] обозначили как «лиминальность».

В ощущении лиминальности современный человек как никогда нуждается в аксиологическом (ценностном) фундаменте. В культурах и сообществах, далеко ушедших от традиционной культуры (современная западная либеральная концепция снятия границ и норм, виртуализация жизни и т. п.), ценности традиционного формата заменяются симулякрами (термин Ж. Бодрийяра), подменами ценностей, перефразированными и изолированными от контекста мессиджами, имитирующими культурные прообразы.

В этом смысле обращение к традиционной культуре, к её материальному и нематериальному наследию, с одной стороны, позволяет более ясно сформулировать механизмы влияния культурных паттернов на человека и общество, а также подойти к пониманию и прогнозированию процессов современности и ближайшего будущего.

Методология исследований феноменов культуры

На рубеже XIX—XX вв. в гуманитарной науке возник длинный спор о природе гуманитарного знания и о возможности формирования «доказательной базы» в сфере культуры. Тема «обоснования наук о духе» заняла важное место в поиске методологии, способной зафиксировать в каких-либо формах то, что культура оставляет за пределами материальных проявлений. Насколько широки границы интерпретации феноменов культуры? В чем можно «измерить» дух или ценности? Субъективизм в оценке и интерпретации явлений культуры — как его избежать и можно ли его избежать?

Идею обоснования гуманитарных наук Вильгельм Дильтей [3] разворачивает через герменевтическую методологию, имеющую психологические и биографические ракурсы. Он стремился подойти к своеобразной диалектике внутреннего и внешнего миров бытия человека и культуры. Понимание и интерпретация — это инструменты постижения духовного содержания культуры.

Культура как среда становления и личности, и социума является фактором, условием и моментом деятельности человеческого духа, во многом определяя

содержание и восприятие жизни. Одновременно каждый человек оказывает влияние на культурную и социальную среду, ведь она состоит из отдельных личностей (помимо собственно материального и нематериального фундамента). Так устроена модель взаимовлияния человека и культуры. Эта совокупность независимых от человека сил и сама личность сплетаются в единый универсум свойств, связей и отношений, части которого существуют независимо от целого и друг от друга только теоретически.

Сложность «легитимизации» феноменов культуры и их интерпретаций в контексте научных подходов были обозначены в работе Генриха Риккерта «Науки о природе и науки о культуре», где он подчеркнул, что

«не только естествознание является продуктом культурного человечества, но также и сама “природа” в логическом смысле есть не что иное, как теоретическое культурное благо, т. е. значимое, объективно ценное понимание действительности человеческим интеллектом, причем естествознание должно даже всегда предполагать абсолютную значимость связанной с ним ценности» [7, с. 33].

В целом позиция Г. Риккерта сводится к тому, что научная работа с феноменами культуры проблематизирована не только разнородностью предметов естествознания и гуманитарного знания, но и неопределенностью методологии гуманитарных наук. При этом естествознание заранее отстраняется от культурного контекста, забывая о том, что любое знание возникает в определенные эпохи и в определенных культурных условиях, а значит — предопределено этой взаимосвязью.

Для Риккерта феномены культуры «концентрируются» именно в формате ценностей и идеалов:

«С точки зрения объективности наук о культуре достаточно напомнить следующее: в сущности, мы все верим в объективные ценности, значимость которых является предпосылкой как философии, так и наук о культуре, верим даже тогда, когда под влиянием научной моды воображаем, будто не делаем этого. Ибо без идеала над собой человек, в духовном смысле этого слова, не может правильно жить» [7, с. 125].

Аксиологический «текст» культуры

В каких формах культура фиксирует аксиологическое содержание? Прежде всего, конечно, это слово — вербальная форма. Сказания, поучения, ритуальные тексты, песнопения и пр.

Между тем, соотношение между собственно ритуалом и текстом, как подчеркивают современные исследования, — это отдельный сюжет для интерпретации. Текст — это квинтэссенция ритуального ритма или цикла, но он — лишь небольшой видимый фрагмент больших пластов нематериальных феноменов культуры.

Расширение самого понятия «текст», процесс, начатый еще в недрах филологии (Ф. де Соссюр), впоследствии сформировало целые направления

гуманитарного знания: лингво-структурализм, культурный и философский структурализм, собственно философская герменевтика и т. д.

Как отмечает родоначальник структурной антропологии, К. Леви-Стросс, различные приемы и методологии изучения и описания феноменов культуры — исторические, компаративистские и пр., — не способны перейти от стадии детальной фиксации к стадии полноценного анализа: «историк всегда занимается изучением индивидуальных явлений (будь то личности или события) или групп явлений, обособившихся благодаря их месту в пространстве и времени». Историческое описание — это констатация, и, тем не менее, выбранная гипотеза или методология окажет влияние на формирование логики исследования. Данные будут формироваться «под запрос». В эпоху К. Леви-Стросса были популярны методологии, стремящиеся максимально отталкиваться «от материала», уже далее пытаясь найти некое целое, в которое вписан эмпирический материал. Леви-Стросс критикует эти методологии, показывая, что культурные «круги», или «слои», разного рода «стадии» (это популярные в то время обозначения выборки исследования), представляют собой результат абстрагирования, которому всегда будет не хватать окончательных доказательств его правоты. Далее он заключает:

«надежность подобных исследований сомнительна, потому что они нам ничего не сообщают о сознательных и бессознательных процессах, претворенных в конкретный индивидуальный или коллективный опыт» [6, с. 12].

Собственно, лингвистическая структурная установка К. Леви-Стросса и последующее развитие данного направления исследований констатируют однозначно фиксируемую взаимосвязь между структурами языка и формами культурного бытия. Леви-Стросс считал, что структуры языка выражают то самое глубокое подсознательное или бессознательное содержание культуры, которое впоследствии в вербальных или материальных формах проявляется в бесконечном разнообразии эмпирических данных. Однако понимание структурного фундамента культурных явлений позволяет говорить о целостностях культуры, которые, в свою очередь, формируют безусловные модели для становления общества и личности.

Однако одного лингвистического компонента было бы недостаточно для описания всего богатства смыслового и ценностного содержания глубины истории и культуры. Как отмечает Э. Кассирер,

«вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку, — путь цивилизации» [4, с. 5].

И здесь для исследований открывается богатейшее поле на стыке «чистых» закономерностей структурно-лингвистических и философских подходов и всего разнообразия описания и интерпретации эмпирических феноменов материальной и нематериальной культуры.

Отдельного внимания в рамках отечественной традиции заслуживают позиции структурно-типологической методологии (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Л. Н. Виноградова, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. К. Байбурин, Г. К. Левинтон и др.). Основу этой методики составляет понимание художественного произведения как текста в семиотическом аспекте, а текста — как многоуровневой системы.

Собственно, в этом поле исследование аксиологического содержания феноменов культуры приобретает особую ценность. Там, где чистая логика науки стремится «отсечь» всё, что связано с индивидуальным или эмпирическим (субъективным, случайным), структурно-типологический метод позволяет включить ценностные и смысловые установки «в ткань» культуры, позволяя создать линии логик становления культурных традиций, обозначить и описать то, как вплетаются фундаментальные установки культуры в живую историю повседневности.

Культурный «текст» в призме ценностного цивилизационного дискурса

Ценностный фундамент, который «проговаривается» в культурном «тексте», задаёт уникальность социокультурных процессов и самобытность национального менталитета. Аксиологический аспект интерпретации феноменов культуры приобретает особое значение именно в ситуации современности, когда размывание культурной и социальной определенности ставит под угрозу идентичность личности и общества.

Часто в фундаменте аксиологии культуры лежат ценности, которые культура наследует у религиозного основания, даже если оно не осознается в самом социокультурном процессе как религиозное.

Религиозные ценности обычно воспринимаются в узком смысле: как нравственные или моральные установки, присущие определённому конфессиональному типу. Однако, как показывает и русская традиция рефлексии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и др.), а также цивилизационные и культурологические исследования на Западе (М. Вебер, С. Хантингтон и пр.), культура воспринимает в религиозном фундаменте именно его аксиологический смысл.

В ходе исторического становления культуры религиозные ценности не остаются изолированными: они трансформируются и преломляются в социальных практиках, в повседневной жизни, становясь неотъемлемым звеном национального менталитета. Так, ценностная парадигма СССР как государства с анонсируемым атеистическим фундаментом парадоксальным образом оказалась созвучна дореволюционной парадигме: перед нами те же идеалы личного аскетизма и соборного духа, устремленность к идеалам, далеким от эмпирического прагматизма. Эти аспекты были подмечены как русскими мыслителями уже в период русской эмиграции (после Октябрьской революции), так и в 90-е гг., когда шло очередное переосмысление трансформаций российской истории.

Религиозные ценности в культурно-историческом процессе обнаруживаются дважды, в разных по глубине слоях культуры: это внешнее, вербальное и морально-нравственное выражение (собственно конфессиональное измерение) и аксиологический фундамент культуры. Во втором выражении (аксиологический фундамент) у ценностей, изначально носивших религиозный

и конфессиональный характер, появляется своего рода культурный или цивилизационный статус, более широкий, нежели его исконное конфессиональное содержание. Так, мы можем обнаружить, при наличии ряда различий, общее аксиологическое основание у культур и цивилизаций, сформировавшихся внутри авраамического корпуса религий (иудаизм, христианство, ислам) или у восточных цивилизаций, объединенных общим апофатическим философско-религиозным основанием.

Современность, движимая процессами культурно-цивилизационных трансформаций, с одной стороны, нивелирует значимость специфически конфессиональных аспектов, с другой — позволяет в межкультурном и межцивилизационном диалоге опираться на аксиологический фундамент, который оказывается более глубоким, нежели видимые культурные и цивилизационные различия.

Возможность диалога культур обусловлена и тем, что культурные и цивилизационные процессы не являются линейными. Как пишет современный российский исследователь И. В. Кондаков, «исторически сменяя друг друга, культурно-исторические парадигмы не уходят из актуальной культуры», но «надстраиваются» друг над другом (в соответствии с вырабатываемым алгоритмом) [5, с. 162], составляя архитектонику культуры (М. М. Бахтин) [1]. В этом контексте уместно обращаться к глубоким основаниям культур и цивилизаций, к их «смысловому каркасу», который, как показывают некоторые смелые философские теории (напр., Ф. В. Й. Шеллинга), является общим наследием человечества [9; 10].

Интересную перспективу диалога культур дает советский философ М. М. Бахтин. Его понятие диалога подразумевает открытость двух субъектов друг другу, однако он отмечает, что диалог осуществляется не из изолированных позиций. Каждая культура — это своего рода «внеаходимость», поскольку, как динамический процесс, она существует за счет преодоления границ:

«Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 25].

Русская мысль о судьбах цивилизации, отталкиваясь в XIX в. от ситуации сравнения и отличия (тема «Россия и Европа»), в XX в. выработала модель, согласно которой открытость и диалогичность культуры — единственная возможность развития и формирования пространства взаимодействия между государствами, нациями и цивилизациями. Думается, в призме современных социальных и геополитических дискуссий обращение к отечественной традиции осмысления культуры и законов преемственности в логике исторических процессов приобретет новую актуальность и послужит созданию новых моделей социального творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
2. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
3. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 108–134.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
5. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159–172.
6. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., Республика, 1998. 413 с.
8. Тернер В. У. Символ и ритуал. М.: ГРВЛ. 1983. 278 с.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Философия Откровения. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. 699 с.
10. Шеллинг Ф. В. Й. Философия Откровения. СПб.: Наука, 2000. Т. 2. 480 с.

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 502 s. (In Russian).
2. Gennepe, A., van. *Obrjady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obrjadov* [Rites of passage]. М.: Vostochnaja literatura, 1999. 198 s. (In Russian).
3. Dil'tej, V. *Vvedenie v nauki o duhe* [Introduction to the Spiritual Sciences]. In: *Zarubezhnaja estetika i teoriya literatury XIX—XX vv. Traktaty, stat'i, esse*. М.: MGU, 1987. С. 108–134. (In Russian).
4. Kassirer, E. *Opyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiju chelovecheskoj kul'tury* [Experience about Man: Introduction to the Philosophy of Human Culture]. In: *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii*. М.: Progress, 1988. С. 3–30. (In Russian).
5. Kondakov, I. V. *Arhitektonika russkoj kul'tury* [Architectonics of Russian culture]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1999. No. 1. S. 159–172. (In Russian).
6. Levi-Stross, K. *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. М.: EKSMO-Press, 2001. 512 s. (In Russian).
7. Rikkert, G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. М., Respublika, 1998. 413 s. (In Russian).
8. Terner, V. U. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. М.: GRVL. 1983. 278 s. (In Russian).
9. Shelling, F. V. J. *Filosofija Otkroveniia* [Philosophy of Revelation]. SPb.: Nauka, 2000. T. 1. 699 s. (In Russian).
10. Shelling, F. V. J. *Filosofija Otkroveniia* [Philosophy of Revelation]. SPb.: Nauka, 2000. T. 2. 480 s. (In Russian).